

4. 3. Фрейд. Будущее одной иллюзии.

Иллюзия не то же самое, что заблуждение, она даже необязательно совпадает с заблуждением. Мнение Аристотеля, что насекомые возникают из нечистот, ещё и сегодня разделяемое невежественным народом, было заблуждением... Наоборот, мнение Колумба, будто он открыл новый морской путь в Индию, было иллюзией. Участие его желания в этом заблуждении очень заметно... Характерной чертой иллюзии является её происхождение из человеческого желания, она близка в этом аспекте к бредовым идеям в психиатрии, хотя отличается от них... В бредовой идее мы выделяем как существенную черту противоречие реальности, иллюзия же необязательно должна быть ложной, то есть нереализуемой и противоречащей реальности... Итак, мы называем веру иллюзией, когда к её мотивировке примешано исполнение желания, и отвлекаемся при этом от её отношения к действительности, точно так же как и сама иллюзия отказывается от своего подтверждения.

Возвращаясь после этого уточнения к религиозным учениям, мы можем опять же сказать: они все – иллюзии, доказательств им нет, никого нельзя заставить считать их истинными, верить в них... Насколько они недоказуемы, настолько же и неопровержимы...

В план нашего исследования не входит оценка истинности религиозных учений. Нам достаточно того, что по своей психологической природе они оказались иллюзиями...

Сомнительно, что люди в эпоху неограниченного господства религиозных учений были, в общем и целом, счастливее, чем сегодня; нравственнее они явно не были. Им всегда как-то удавалось экстериоризировать религиозные предписания и тем самым расстроить их замысел. Священники, обязанные наблюдать за религиозным предписанием, шли им навстречу. Действие божественного правосудия неизбежно пресекалось божьей благодатью: люди грешили, потом приносили жертвы или калялись, после чего готовы были грешить снова. Русская душа отважилась

сделать вывод, что грех – необходимая ступенька к наслаждению всем блаженством божественной милости, то есть в принципе богоугодное дело. Совершенно очевидно, что священники могли поддерживать в массах религиозную покорность только ценой очень больших уступок человеческой природе с её влечениями...

Задумаемся над недвусмысленной современной ситуацией. Мы уже выслушали признание, что религия не имеет того же влияния на людей, как раньше (речь идёт здесь о европейской христианской культуре). Дело не в том, что её обещания стали менее заманчивыми, а в том, что в глазах людей они уже не кажутся заслуживающими прежнего доверия. Согласимся, что причина этой научности в верхних слоях человеческого общества (есть, возможно, и другие причины) ...

От образованных и от людей духовного труда для культуры нет большой угрозы. Замещение религиозных мотивов культурного поведения другими, мирскими, прошло бы у них без сучка и задоринки, а кроме того, они большей частью сами носители культуры. Пока они не знают, что в бога больше не верят, всё хорошо. Но они это непременно узнают, даже если это моё сочинение не будет опубликовано. И они готовы принять результаты научной мысли, оставаясь незатронутыми тем изменением, которое производится в человеке научной мыслью. Нет ли опасности, что враждебность этих масс к культуре обрушится на слабый пункт, который они обнаружат в своей строгой властительнице? Если я не смею убивать своего ближнего только потому, что господь бог это запретил и тяжело покарает за преступление в этой или другой жизни, но мне становится известно, что никакого господя бога не существует, что его наказания нечего бояться, то я, разумеется, убью ближнего без рассуждений, и удержать меня от этого сумеет только земная власть. Итак, либо строжайшая опека над этими опасными массами, тщательнейшее исключение всякой возможности их духовного развития, либо основательная ревизия отношений между культурой и религией...

Следовало бы предположить, что человечество как целое в своём многовековом развитии впадает в состояния, аналогичные неврозам, причём по тем же самым причинам, а именно потому, что в эпохи невежества и интеллектуальной немощи оно добилось необходимого для человеческого общежития отказа от влечений за счёт чисто аффективных усилий. Последствия происшедших в доисторическое время процессов, подобных вытеснительным, потом долгое время ещё преследуют культуру. Религию в таком случае можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом, который, подобно соответствующему детскому неврозу, коренится в Эдиповом комплексе, в амбивалентном отношении к отцу. В соответствии с этим пониманием можно было бы прогнозировать, что отход от религии неизбежно совершится с фатальной необходимостью процесса роста, причём сейчас мы находимся как раз в середине этой фазы развития.

... Существо религии нашей аналогией, разумеется, не исчерпывается. Если, с одной стороны, она несёт с собой навязчивые ограничения, просто наподобие индивидуального навязчивого невроза, то, с другой стороны, она содержит в себе целую систему иллюзий, продиктованных желанием и сопровождающихся отрицанием действительности... Всё это лишь сравнения, с помощью которых мы пытаемся понять социальный феномен; индивидуальная патология не представляет нам здесь никакой полноценной аналогии...

Однако умерю свой пыл и допущу возможность, что я тоже гоняюсь за иллюзией. Может быть, влияние религиозного запрета на мысль не так худо, как я предполагаю; может быть, окажется, что человеческая природа останется такой же и тогда, когда прекратится злоупотребление воспитанием для порабощения сознания религией. Я этого не знаю, и Вы тоже не можете этого знать. Не только великие вопросы нашей жизни предстают сегодня неразрешимыми, но трудно справиться и с массой менее крупных проблем. И всё же Вы согласитесь со мной, что здесь у нас налицо основание для надежды на будущее... что стоит потратить силы на попытку нерелигиозного

воспитания. Если она окажется безуспешной, то я готов распрощаться с реформой и вернуться к более раннему, чисто дескриптивному суждению: человек — малоинтеллигентное существо, покорное своим импульсивным влечениям...

Я соответственно возражаю Вам, когда Вы приходите затем к выводу, что человек в принципе не может обойтись без иллюзорного религиозного утешения, что без него он якобы не вынес бы тягот жизни, жестокой действительности. Да, но только человек, в которого Вы с детства вливали сладкий — или кисло-сладкий — яд. А другой, воспитанный в трезвости? Кто не страдает от невроза, тот, возможно, не нуждается в наркотических средствах анестезирования. Конечно, человек окажется тогда в трудной ситуации, он должен будет признать себе во всей своей беспомощности, в своей ничтожной малости внутри мирового целого, раз он уже не центр творения, не объект нежной заботы благого провидения. Он попадает в ситуацию ребёнка, покинувшего родительский дом, где было так тепло и уютно. Но разве неверно, что инфантилизм подлежит преодолению? Человек не может вечно оставаться ребёнком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет» ...

Знание того, что ты предоставлен своим собственным силам, само по себе уже чего-то стоит... перестав ожидать чего-то от загробного существования и сосредоточив все высвободившиеся силы на земной жизни, он, пожалуй, добьётся того, чтобы жизнь стала сносной для всех и культура никого уже больше не угнетала...

Примат интеллекта маячит в очень, очень неблизкой, но всё-таки, по-видимому, не в бесконечной дали... Вы хотите, чтобы сразу после смерти начиналось блаженство, требуете от него невозможного и не намерены отказаться от притязаний индивидуальной личности. Наш бог Логос осуществит из этих желаний то, что допускает внеположная нам природа, но очень постепенно, лишь в необозримом будущем и для новых детей человеческих... На пути к этой далёкой цели Вашим религиозным учениям

придётся рухнуть, пускай даже первые попытки окончатся неудачей, пускай даже первые идущие на смену образования окажутся нестойкими...

Воспитание, избавленное от гнёта религиозных учений, пожалуй, мало что изменит в психическом существе человека, наш бог Логос, кажется, не так уж всемогущ, он может исполнить только часть того, что обещали его предшественники. Если нам придётся в этом убедиться, мы смиренно примем положение вещей. Интерес к миру и к жизни мы от этого не утратим, ведь у нас есть в одном отношении твёрдая вера, которой Вам не хватает. Мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь... Смена научных мнений – это развитие, прогресс, а не разрушение. Закон, считавшийся безусловно верным, оказывается частным случаем более широкой закономерности или модифицируется другим законом, открытым позднее; грубое приближение к истине вытесняется более тщательным и точным, а то, в свою очередь, ожидает дальнейшего усовершенствования... При этом упускают из виду ряд моментов, решающих для понимания научной работы: что наша природная организация, то есть наш психический аппарат, сформировались как раз в ходе усилий, направленных на познание внешнего мира, поэтому в её структуре непременно должно иметь место какое-то соответствие этой цели; что она сама есть составная часть того мира, который мы исследуем, и она отлично приспособлена для такого исследования...

Нет, наша наука не иллюзия. Иллюзией, однако, была бы вера, будто мы ещё откуда-то можем получить то, что она неспособна нам дать.

- 1) Как З. Фрейд объясняет возникновение религии как социального института?*
- 2) Какова, по его мнению, роль религии в индивидуальном сознании и обществе?*
- 3) Как объясняется взаимодействие религии и науки?*